

ГЛАВА 4

ВИДЫ МЫСЛЕЙ, КОТОРЫЕ МОЖНО ПОМЫСЛИТЬ

Человек — это растение, которое дает мысли, — точно так, как розовый куст дает розы, а яблоня — яблоки.

Антуан Фабр д'Оливе.*

Философская история человеческого рода

Подумайте о самом красивом человеке, которого вы знаете. Кажется невозможным не смотреть на него и не пьянеть от его привлекательности. Однако все зависит от эволюционной программы, с которой связаны глаза. Если это глаза лягушки, то такой человек может стоять перед ней целый день — даже голый — и не привлечет ни малейшего внимания, разве что вызовет подозрение. И это отсутствие интереса взаимно: людей тянет к людям, а лягушек — к лягушкам.

Ничто не выглядит естественнее желания, однако первое, что нужно заметить, — нас соединяет только желание, связанное с биологическим видом. Это подчеркивает простой, но очень важный факт: мозговые цепи рассчитаны на генерирование поведения, обеспечивающего наше выживание. Яблоки, яйца и картофель вкусны для нас не потому, что форма

* Антуан Фабр д'Оливе (1767–1825) — французский драматург, философ и ученый. *Прим. пер.*

их молекул прекрасна по своей внутренней сути, а потому, что они превосходные маленькие упаковки сахаров и белков: энергетическая валюта, которую вы можете хранить в своем банке. Поскольку эта пища полезна, мы сконструированы так, что считаем ее вкусной. Поскольку кал содержит опасных микробов, мы развили жестко прошитое отвращение к его поеданию*. Обратите внимание, что детеныши коал поедают кал своей матери, чтобы получить бактерии, необходимые для пищеварительной системы. Эти бактерии необходимы, чтобы маленькие коалы выжили на диете из листьев эвкалипта, ядовитой для других животных. Если бы мне пришлось высказывать догадку, я бы сказал, что кал для детенышей так же вкусен, как для вас — яблоки. Нет ничего вкусного или омерзительного по внутренней сути — все зависит от потребностей организма. Вкусно — это просто показатель полезности.

Многие люди знакомы с понятиями привлекательности или вкусовых качеств, однако часто трудно оценить, насколько глубоко эволюция врезала их в нас. Дело не просто в том, что нас влечет к людям, а не к лягушкам и что мы предпочитаем яблоки, а не кал, — те же принципы вшитого управления мышлением применяются ко всем нашим глубоко укоренившимся представлениям о логике, экономике, этике, эмоциях, красоте, общественных отношениях, любви и ко всему остальному обширному ментальному ландшафту. Наши эволюционные цели управляют нашими мыслями и структурируют их. Поразмыслите немного над этим. Это означает, что

* В кале содержатся прежде всего продукты усвоения пищи, а также некоторое количество сигнальных веществ. Отвращение к калу испытывают далеко не все живые существа. У многих животных существует так называемая копрофагия — поедание собственного кала, что позволяет им повторно использовать азотистые соединения в условиях дефицита питания, получать жизненно важные витамины и микроэлементы и т. п. *Прим. науч. ред.*

есть определенные виды мыслей, которые мы *можем* думать, и целая категория мыслей, которые мы думать не можем. Давайте начнем с тех, про которые вы даже не знали, что они у вас отсутствуют.

Умвельт: жизнь на тонком срезе

Жилище безгранично,
Но ограничен Гость.

Эмили Дикинсон*

В 1670 году Блез Паскаль с трепетом заметил, что «человек одинаково неспособен видеть и небытие, из которого он появляется, и бесконечность, которая его поглощает»¹. Паскаль признал, что мы живем на тонком срезе между невообразимо малым масштабом составляющих нас атомов и бесконечно огромным масштабом галактик.

Однако ситуация куда сложнее, чем думал Паскаль. Забудьте атомы и галактики: мы неспособны видеть даже *большую часть* деятельности в *собственном* пространственном масштабе. Возьмем, например, то, что мы называем видимым светом. В задней части наших глаз есть специальные рецепторы, оптимизированные для захвата электромагнитного излучения, которое отражается от объектов. Когда эти рецепторы улавливают излучение, они отправляют в мозг шквал сигналов. Однако мы воспринимаем не *весь* электромагнитный спектр, а только его часть — менее десяти триллионных от его величины. Остальная часть диапазона — волны, на которых передаются телевизионные сигналы, ведутся разговоры по мобильным телефонам, радиоволны, волны сверхвысоких частот, рентгеновское излучение, гамма-излучение

* Эмили Дикинсон (1830–1886) — американская поэтесса. Прим. пер.

и так далее — проходит сквозь нас без нашего ведома². Прямо сейчас через ваше тело проходят телевизионные новости, но вы абсолютно слепы к ним, поскольку у вас нет специальных рецепторов для этой части спектра. Рентгеновские аппараты в больнице видят в рентгеновских лучах, а приемник на приборной панели автомобиля распознает диапазон радиочастот. Медоносные пчелы встраивают в свою реальность информацию, передающуюся в ультрафиолетовой области спектра, а гремучие змеи в свой взгляд на мир включили инфракрасный диапазон. Мы этого сделать не можем, поскольку нас не снабдили нужными сенсорами. Как бы сильно мы ни старались, нам не удастся уловить сигналы в остальных частях волнового диапазона.

Вы способны испытывать только то, на что рассчитана ваша биология. Это отличается от стандартного представления, что наши глаза, уши и пальцы пассивно воспринимают объективный физический мир снаружи. По мере того как наука создавала машины, способные видеть то, что недоступно человеку, становилось ясно, что наш мозг воспринимает всего лишь крохотную часть окружающего нас мира. В 1909 году происходивший из семьи балтийских немцев биолог Якоб Йоганн фон Икскюль отметил, что различные животные в одной и той же экосистеме улавливают из окружающей среды различные сигналы³. В слепом и глухом мире клеща важными сигналами являются температура и запах масляной кислоты. Для черной ножетелки* это электрические поля. Для летучей мыши — ультразвуковые волны. Поэтому фон Икскюль ввел новое понятие: ту часть окружающего мира, которую вы спо-

* Аквариумистам и биологам эта рыба известна как *Apteronotus albifrons*. Она обитает в Бразилии, Перу, Боливии и Колумбии, живет на дне быстрых песчаных ручьев и питается беспозвоночными и мелкими рыбешками. У ножетелки есть особый электрический орган, который она использует для поиска добычи и отпугивания врагов. *Прим. науч. ред.*

собны воспринять, он назвал умвельтом, а более масштабную объективную реальность — умгебунгом*.

У каждого организма есть собственный умвельт, который он, видимо, считает целой объективной реальностью «снаружи». Почему мы перестали думать, что есть нечто за пределами наших ощущений? В фильме «Шоу Трумана» главный персонаж живет в мире, выстроенном вокруг него (часто экспромтом) ловким телепродюсером. В определенный момент интервьюер спрашивает продюсера: «Почему вы считаете, что Труман никогда не сможет обнаружить истинную природу своего мира?». Тот отвечает: «Мы принимаем ту реальность мира, которую нам предоставляют». Он угодил в яблочко: мы принимаем свой умвельт и на этом останавливаемся.

Спросите себя: что означает быть слепым от рождения? Действительно, задумайтесь над этим. Если вы предполагаете, что «это что-то вроде темноты» или «что-то вроде черного отверстия там, где должно быть зрение», то будете неправы. Чтобы понять почему, представьте, что вы — гончая, например бладхаунд. В вашем длинном носу двести миллионов обонятельных рецепторов. Ваши влажные ноздри захватывают молекулы веществ, дающие ощущение запаха. Отверстия в ноздрях расширяются, чтобы через них проходило больше воздуха, когда вы принюхиваетесь. Даже висячие уши, задевая землю, помогают пахучим веществам подниматься вверх. Весь ваш мир построен вокруг обоняния. И вот в один прекрасный день, когда вы бежите за своим хозяином, к вам приходит неожиданная мысль. Каково это — иметь жалкий, убогий человеческий нос? Что вообще могут обнаружить люди, когда втягивают воздух своим слабым носом? Они чувствуют пустоту? Или у них дыра на том месте, где должно быть обоняние?

* Umwelt — окружение, окружающая среда; Umgebung — внешняя среда, окрестность (нем.). *Прим. пер.*

Поскольку вы человек, то знаете, что ответ отрицателен. Там, где отсутствует обоняние, нет ни дыры, ни пустоты. Вы воспринимаете реальность, какой ее вам предоставляют. Раз у вас нет обонятельных способностей блаухаунда, вы даже не предполагаете, что ситуация может быть другой. То же самое и с людьми, не умеющими различать цвета: пока они не узнают, что другие люди способны видеть оттенки, мысль об этом даже не приходит им в голову.

Если вы не страдаете цветовой слепотой, то вам может быть трудно представить себя дальтоником. Но вспомните, что вы узнали ранее: некоторые люди видят *больше* цветов, чем вы. Часть женщин обладают не тремя, а четырьмя типами фоторецепторов и способны различать те цвета, которые большая часть людей не замечает никогда⁴. Если вы не входите в это маленькое женское сообщество, то только что вы узнали о бедности своих ощущений. Впрочем, это не портит вам день, а всего лишь заставляет дивиться тому, каким странным образом мир представляется кому-то другому.

Это же происходит и с человеком, слепым от рождения. Он ничего не упускает; он не видит черноты там, где нет зренья. Зрение вообще никогда не было частью его реальности, и ему не хватает его ровно так, как вам не хватает дополнительных запахов, имеющихсЯ у гончей, или дополнительных цветов, доступных тетрахроматическим женщинам.

* * *

Есть огромное различие между умвельтами людей и умвельтами клещей или блаухаундов, но ощутимая вариабельность может быть и между людьми. Многие, отойдя от стандартного мышления, задают друзьям вопрос такого рода: откуда мне знать, что то, что я воспринимаю как красный цвет, и то, что вы воспринимаете как красный цвет, — одно и то же? Это хороший вопрос, поскольку, пока мы соглашаемся именовать некоторый параметр красным цветом, не имеет

значения, если тот тон, который видите вы, я внутренне воспринимаю как канареечно-желтый. Я считаю его красным, вы считаете его красным, и козыри у нас на руках.

Однако проблема глубже. То, что я называю зрением, и то, что вы называете зрением, может быть разным: мое может быть перевернутым относительно вашего, и мы никогда этого не узнаем. Это не имеет значения, пока мы приходим к согласию в том, как называть вещи, как указывать на них и как ориентироваться во внешнем мире.

К вопросам такого рода прибегали в философской сфере, однако сейчас они помогают в области научного экспериментирования. В конце концов, у разных людей присутствуют различия в функционировании мозга, и иногда эти различия преобразуются в способы восприятия мира. При этом каждый человек считает, что его способ и есть *реальность*. Чтобы осознать это, представьте мир с малиновыми вторниками и волнистыми зелеными симфониями, где вкус имеет форму. Вследствие такого феномена, как синестезия (что означает «совместное ощущение»), один человек из ста, будучи обычным во всем остальном, ощущает мир столь странным образом⁵. У синестетиков стимулирование какого-либо органа чувств инициирует аномальный чувственный опыт: человек может слышать цвета, чувствовать формы на вкус или систематически испытывать другие сенсорные смешения. Например, голос или музыку можно не только слышать, но и видеть, ощущать на вкус или посредством осязания. Синестезия — это слияние различных чувственных восприятий: ощущение наждачной бумаги может вызвать фадиез, вкус курицы может ассоциироваться с ощущением покалывания в кончиках пальцев, а симфония — видиться в голубых и золотых цветах. Синестетики настолько привыкли к таким вещам, что удивляются, когда узнают, что другие не разделяют их опыт. Синестетический опыт не является аномалией в патологическом смысле; он просто необычен в статистическом смысле.

Синестезия существует в разных формах, и наличие одного ее вида дает высокий шанс, что присутствует второй и даже третий. Чаще всего синестезия проявляется как восприятие дней недели цветными; далее идут цветные буквы и числа. Другие распространенные варианты — слова со вкусом, цветной слух, числовые последовательности, воспринимаемые как трехмерные формы, или наличие у букв и цифр пола и личных качеств⁶.

Синестетическое восприятие не зависит от воли, оно автоматизировано и неизменно. Как правило, оно элементарно, то есть синестетик ощущает простые цвета, формы или текстуры, а не что-то живописное или нетривиальное (например, он не скажет: «Эта музыка пробуждает во мне образ вазы с цветами, стоящей на столе в ресторане»).

Почему некоторые люди видят мир таким образом? Синестезия — результат «разговора с помехами» между сенсорными зонами мозга. Представьте их как соседние страны на карте мозга, у которых прозрачные границы. При этом разговоры с помехами проистекают из крохотных генетических изменений, передающихся по наследству. Задумайтесь, ведь микроскопические изменения в схеме проводки мозга могут быть причиной различных реальностей⁷. Само существование синестезии показывает, что возможно более одного вида мозга — и более одного вида разума.

Давайте в качестве примера сконцентрируемся на конкретной форме синестезии. Для большинства из нас февраль и пятница не имеют определенного места в пространстве. Однако некоторые синестетики ощущают точное расположение чисел, единиц времени и других понятий, включая последовательности, относительно своих тел. Они могут указать место, где находится число 32, плавает декабрь или лежит 1966 год⁸. Такие овеществленные трехмерные последовательности известны как числовые формы, хотя более точно подобную разновидность синестезии называют синестезией

локализации последовательностей⁹. Самые распространенные ее формы включают дни недели, месяцы, целые числа или годы, сгруппированные по десятилетиям. Кроме перечисленных, исследователи встречали пространственные конфигурации для размеров обуви и одежды, бейсбольной статистики, исторических эпох, зарплаты, телевизионных каналов, температуры и так далее. Некоторые люди присваивают формы только для одной последовательности, другие — для дюжины и больше. Как и всех синестетиков, их удивляет, что не все представляют последовательности так же, как они. Дело в том, что синестетикам трудно понять, как люди могут справляться без визуализации времени. Ваша реальность для них настолько же странная, как и их реальность для вас. Они принимают предоставленную им реальность так же, как вы принимаете свою¹⁰.

Обычным людям часто кажется, что ощущение дополнительных цветов, текстуры и пространственных конфигураций — это перцептивное бремя. Некоторые спрашивают: «Разве они не сходят с ума от всех этих дополнительных штук?». Но эта ситуация не отличается от ситуации, когда человек с цветовой слепотой говорит человеку с нормальным зрением: «Бедняга. Все, что ты видишь, ты видишь цветным. Разве ты не сходишь с ума, когда всё *в цвете*?». Ответ таков: цвета не сводят нас с ума, потому что цветное зрение нормально для большинства людей и передает то, что мы считаем реальностью. Точно так же и синестетики не сходят с ума от дополнительных измерений. Они просто не знают, что реальность может быть другой. Большинство из них даже не задумываются о том, что другие люди видят мир не так, как они.

Синестезия и десятки ее разновидностей подчеркивают потрясающую разницу в восприятии мира и напоминают нам, что каждый мозг по-своему определяет то, что он воспринимает или способен воспринять. Этот факт возвращает

нас к главному тезису, что реальность намного более субъективна, чем принято считать¹¹. Мозг не пассивно регистрирует реальность, а активно конструирует ее.

* * *

По аналогии с восприятием мира психическая жизнь построена так, что она отгорожена от всего остального и охватывает определенную территорию. Есть мысли, которые вам недоступны. Вы не можете постичь секстиллион звезд во Вселенной или представить пятимерный куб. Если эти примеры кажутся вам очевидными («Разумеется, не могу!»), взгляните на них по аналогии с инфракрасным зрением, восприятием радиоволн или реакцией на масляную кислоту, как она возникает у клеща. Ваш «мыслительный умвельт» — крохотный фрагмент «мыслительного умгебунга». Давайте исследуем эту территорию.

Функция мозга — этого влажного компьютера — генерировать поведение, соответствующее внешним обстоятельствам. Эволюция тщательно сконструировала ваши глаза, внутренние органы и так далее, а также характер вашего мышления и ваших представлений. Мы не только развили специализированные иммунные средства защиты от микробов, но также и нейронный аппарат для решения специализированных проблем, с которыми сталкивались наши предки — охотники и собиратели — на протяжении более девяноста девяти процентов времени эволюционной истории нашего вида. *Эволюционная психология* изучает, почему мы думаем так, а не иначе. В то время как нейрофизиологи исследуют фрагменты и части, составляющие мозг, эволюционные психологи занимаются программным оборудованием, которое решает социальные проблемы. С этой точки зрения физическая структура мозга воплощает набор программ, а программы присутствуют, поскольку в прошлом они решали какую-то конкретную задачу. Таким образом, новые конструктивные особенности добавляются или отбрасываются на основании их последствий.

Чарлз Дарвин предвидел эту дисциплину в заключении своего «Происхождения видов»: «В отдаленном будущем я вижу новые открытые поля для еще более важных исследований. Психология будет основана на новом фундаменте, а именно на необходимости постепенного приобретения каждого умственного качества и способности». Другими словами, наша душа эволюционирует ровно так же, как глаза, крылья и большие пальцы.

Давайте рассмотрим младенцев. Новорожденные — это не чистая доска. Они унаследовали оборудование для решения задач и появляются с уже готовыми решениями для многих проблем¹². Эту идею рассматривал Дарвин (в частности, в «Происхождении видов»), а позднее продвигал Уильям Джеймс в «Принципах психологии». Затем эту концепцию игнорировали на протяжении большей части XX века. Однако оказалось, что она верна. Младенцы, сами по себе беспомощные, выходят в мир с нейронными программами, пригодными для рассуждений о предметах, физической причинности, числах, биологическом мире, представлениях и мотивациях других людей, общественных отношениях. Например, мозг новорожденного *ожидает* появление лица: имея меньше десяти минут от роду, младенцы будут поворачиваться к паттернам, похожим на лица, а не к закодированным вариантам того же паттерна¹³. В возрасте двух с половиной месяцев ребенок начнет выражать удивление, если увидит, что объект появляется из-за экрана и исчезает за ним, словно по волшебству. Дети по-разному обращаются с живыми и неживыми объектами, предполагая, что у живых «игрушек» есть внутренние состояния (намерения), которые они не могут видеть. Дети делают предположения о намерениях взрослых. Если взрослый пытается продемонстрировать, как что-то делать, младенец будет ему подражать. Но если ребенку покажется, что у взрослого что-то не получилось (возможно, тот подчеркнул это междометием «Ой!»), то ребенок будет имитировать не то, что видел, а то,

что, по его мнению, намеревался сделать взрослый¹⁴. К тому возрасту, когда детей можно тестировать, они уже высказывают предположения о функционировании мира.

Несмотря на то что дети учатся, имитируя то, что их окружает, то есть копируя своих родителей, домашних животных и телевидение, они не чистая доска. Возьмем, например, лепет. Глухие дети лепечут так же, как и слышащие, дети в разных странах издают сходные звуки, хотя на них воздействуют принципиально разные языки. Так что первоначальный лепет наследуется людьми как заранее запрограммированная особенность.

Еще один пример предварительного программирования — так называемая система чтения мыслей. Это совокупность механизмов, благодаря которым мы считываем направление взгляда и движение глаз других людей, чтобы понять, что они хотят, знают или считают. Например, если кто-то смотрит поверх вашего плеча, вы думаете, что за вашей спиной происходит что-то интересное. Уже в раннем детстве наша система чтения взглядов функционирует в полном объеме. У аутистов эта система может быть повреждена. И напротив, она может присутствовать, даже если другие системы повреждены, как в случае такого расстройства, как синдром Уильямса*, при котором взгляд считывается прекрасно, а социальное познание осложнено.

Предварительно вложенное программное обеспечение позволяет обойти сложности, возникающие при обилии возможностей, при этом мозг — «чистая доска» немедленно с ними столкнется. Система, начинающая с пустого места, неспособна изучить все сложные правила мира с помощью тех сигналов, которые воспринимают младенцы¹⁵. Ей пришлось бы пробовать все, и это окончилось бы провалом.

* Синдром назван по имени новозеландского кардиолога Джона Уильямса (1922 — год смерти неизвестен). *Прим. пер.*

Предварительное программирование сильно вовлечено в социальный обмен — способ взаимодействия между людьми. На протяжении нескольких миллионов лет социальный обмен остается критически важным для нашего вида, и в результате социальные программы проложили себе дорогу глубоко в нейронные сети. Как заметили физиологи Леда Космидес и Джон Туби, «сердцебиение универсально, поскольку генерирующий орган везде один и тот же. Это также экономное объяснение универсальности социального обмена». Другими словами, мозг, подобно сердцу, не требует особой культуры, чтобы выражать социальное поведение: эта программа встроена в аппаратное обеспечение.

Давайте рассмотрим конкретный пример: у вашего мозга есть проблемы с определенными видами вычислений, для которых он не развил решения, но при этом он легко справляется с вычислениями, затрагивающими социальные вопросы. Предположим, я показываю вам четыре карточки, изображенные ниже, и утверждаю, что справедливо следующее: если у карточки на одной стороне четное число, то на противоположной написано название основного цвета. Какие две карты необходимо перевернуть, чтобы узнать, сказал ли я вам правду?

Не беспокойтесь, если вы затрудняетесь с решением: это сложная задача. Ответ: вам нужно перевернуть карту с числом 8 и карту со словом «Пурпурный». Если вы перевернете карту с числом 5 и обнаружите на другой стороне слово

«Красный», это ничего не скажет вам об истинности моего правила, поскольку я высказал утверждение только о картах с четным номером. Аналогично если вы перевернете карту со словом «Красный» и обнаружите на другой стороне нечетное число, это также не имеет отношения к моему логическому правилу, поскольку я не говорил, что может располагаться на другой стороне у нечетных чисел*.

Если бы ваш мозг был знаком с правилами условной логики, вы могли бы решить эту задачу. Хотя с ней справляются меньше четверти людей, которых обучали логике¹⁶. Тот факт, что с подобной задачей трудно справиться, указывает, что наш мозг не создан для решения логических проблем подобного рода. Возможно, причина в том, что мы вполне прилично выживаем как вид и без таких логических головолом.

Однако суть истории не в этом. Если та же логическая задача представлена в виде, для которого у нас есть вшитое понимание (то есть она входит в число вещей, которые заботят социальный человеческий мозг), то она легко решается¹⁷. Предположим, что новое правило таково: если вам нет восемнадцати лет, вы не можете употреблять алкоголь. И теперь на каждой карте, как показано ниже, с одной стороны указан возраст человека, а с другой — напиток у него в руке.

* Математик сказал бы, что предложенное автором правило является импликацией $A \Rightarrow B$ (если верно A , то верно B). У нас утверждение A = (на одной стороне карты четное число), утверждение B = (на другой стороне карты написан основной цвет). Для проверки истинности импликации нам придется удостовериться, что какую бы карту с A мы ни взяли, для другой ее стороны будет справедливо B . Следовательно, необходимо проверить все карты, на которых A (а вдруг у них на другой стороне не B ?), и все карты, на которых не B (а вдруг у них на другой стороне A ?). В обоих случаях произошло бы нарушение предложенного правила. В нашем случае это означает, что нужно проверить карту с четным номером и карту не с основным цветом (красный цвет, в отличие от пурпурного, относится к основным цветам). *Прим. пер.*

Какие карты нужно перевернуть, чтобы узнать, не нарушено ли правило? С этой задачей справляется большинство испытуемых (карты с числом 16 и словом «Текила»). Обратите внимание, что две эти задачи с формальной точки зрения эквивалентны. Так почему вы считаете первую задачу сложной, а вторую простой? Космидес и Туби предполагают, что лучшие результаты во втором случае отражают нейронную специализацию. Мозг настолько сильно заботится о социальном взаимодействии, что развивает специальные программы — примитивные функции для вопросов права и обязательств. Другими словами, наша психология эволюционировала, чтобы решать социальные проблемы (например, обнаруживать нарушителей), но не для того, чтобы быть умными и логичными в целом.

Мантра эволюционирующего мозга: впечатать действительно хорошие программы в ДНК

В целом мы меньше всего знаем о том, что наш разум делает лучше всего.

Марвин Минский. Общество разума*

Инстинкты — сложные врожденные формы поведения, которым не надо учиться. Они проявляются более или менее

* Марвин Минский (1927–2016) — американский ученый, чьи интересы сосредоточивались в области искусственного интеллекта. *Прим. пер.*

независимо от опыта. Возьмем рождение жеребенка: он выпадает из материнской утробы, выпрямляется на тонких ненадежных ножках, ковыляет немного и через считанные минуты или часы начинает ходить и бегать за табуном. Жеребенок не учится использовать свои ноги методом проб и ошибок, как это делает человеческий младенец. Его сложные моторные действия инстинктивны.

Из-за специализированных нейронных схем, которые входят в стандартное оборудование мозга, лягушки без ума от других лягушек, а люди — от других людей. Программы инстинкта, прописанные под действием эволюции, безотказно поддерживают наше поведение и твердой рукой управляют процессом познания.

Традиционно считают, что инстинкты противоположны рассуждению и обучению. Скорее всего, вы, как и большинство людей, считаете, что ваша собака пользуется в основном инстинктами, в то время как вы действуете с помощью чего-то отличного от инстинктов — чего-то больше похожего на *рассудок*. Великий психолог XIX века Уильям Джеймс был первым, у кого эта схема вызвала подозрение. И не просто подозрение: он решил, что она в корне неверна. Вместо этого он предположил, что человеческое поведение может быть намного более гибким, чем у других животных, не потому, что у нас меньше инстинктов, чем у них, а потому, что их *больше*. Эти инстинкты — словно инструменты в комплекте, и чем их у вас больше, тем легче вы приспосабливаетесь.

Мы, как правило, не замечаем этих инстинктов — как раз потому, что они прекрасно функционируют, обрабатывая информацию автоматически и без усилий. Как и у специалистов по определению пола цыплят, авиационных наблюдателей или теннисистов, эти программы так глубоко впечатаны в нейронные цепи, что у нас больше нет к ним доступа. В совокупности они образуют то, что мы считаем человеческой природой¹⁸.

Инстинкты отличаются от автоматизированного поведения (набор текста на клавиатуре, езда на велосипеде, теннисная подача) тем, что им не нужно учиться. Мы их унаследовали. Врожденное поведение поставляет настолько полезные идеи, что они кодируются на тайном языке ДНК. Естественный отбор за миллионы лет добился того, что продолжают род те, чьи инстинкты благоприятствуют выживанию и воспроизводству.

Дело в том, что специализированные и оптимизированные цепи инстинктов предлагают все выгоды скорости и эффективного использования энергии, но за счет отказа от осознанного доступа. В результате у нас так же мало доступа к прошитым когнитивным программам, как и в случае теннисной подачи. Этот эффект Космидес и Туби назвали слепотой к инстинкту: мы неспособны увидеть, что именно инстинкты — это двигатели нашего поведения¹⁹. Эти программы недоступны для нас не потому, что они неважны, а потому, что они *крайне важны*. Сознательное вмешательство ничего не могло бы сделать для их улучшения.

Уильям Джеймс понял скрытую природу инстинктов и предположил, что мы выманиваем их на свет с помощью простого умственного упражнения: заставляем «естественное выглядеть странным», задавая вопрос «Почему?» «о любом инстинктивном действии людей».

Почему мы улыбаемся, а не хмуримся, когда радуемся? Почему мы не можем выступать перед толпой так, как разговариваем с приятелем? Почему определенная девушка сводит нас с ума? Обычный человек может сказать лишь одно: «Естественно, мы улыбаемся, естественно, наше сердце сильнее бьется при виде толпы, естественно, мы любим эту девушку — прекрасную душу, вложенную в совершенную форму, очевидным образом созданную для вечной любви!»

Вероятно, то же самое ощущает любое животное в отношении определенных действий, которые оно стремится совершить

в присутствии определенных объектов... Для льва объектом любви является львица, для медведя — медведица. Для не-сушки, вероятно, кажется чудовищной мысль, что в мире может быть существо, которому гнездо с яйцами не кажется очаровательным, изысканным и предназначенным для сидения, как это представляется ей самой.

Поэтому мы можем быть уверенными, что, какими бы таинственными для нас ни выглядели некоторые животные инстинкты, наши инстинкты для них будут выглядеть не менее загадочными²⁰.

Самые глубокие наши инстинкты, как правило, оказывались вне рассмотрения, поскольку психологи пытались понять чисто человеческие акты (например, высшую когнитивную деятельность) или отклонения (к примеру, психические расстройства). Но наиболее автоматические и не требующие усилий действия — те, которым нужны специализированные и самые сложные нейронные сети, — всегда были рядом с нами: сексуальное влечение, страх темноты, сочувствие, стремление спорить, ревность, поиски справедливости, нахождение решений, избегание инцеста, распознавание выражений лиц. Обширные сети нейронов, поддерживающие такие акты, настолько хорошо отлажены, что мы неспособны осознать их нормальную работу. И точно так же, как это было в случае со специалистами по определению пола цыплят, для доступа к вшитым в цепи программам самоанализ бесполезен. Когда мы оцениваем активность как легкую или естественную, то не придаем значения сложности тех цепей, которые делают ее возможной. Простые вещи трудны: большая часть того, что нам кажется само собой разумеющимся, является сложным с точки зрения нейронного строения.

В качестве иллюстрации вышесказанного давайте посмотрим на ситуацию в сфере искусственного интеллекта. В 1960-х годах быстро развивались программы, которые

работали со знанием на основе фактов, например «лошадь — это вид млекопитающего». Однако затем прогресс практически остановился. Оказалось, что намного труднее решать «простые» задачи, например ходить по тротуару и не падать с бордюра, вспоминать, где находится кафе, узнавать друга или понимать шутку. Вещи, которые мы делаем быстро, эффективно и бессознательно, настолько трудны для моделирования, что остаются нерешенными проблемами.

Чем более очевидным и простым выглядит что-либо, тем сильнее следует подозревать, что причиной кажущейся очевидности служит наша обширная внутренняя нейронная структура. Как мы разбирали в главе 2, акт зрения так прост и быстр, поскольку основывается на специальной сложной функциональной системе. Чем более естественным и простым что-то *кажется*, тем менее оно *является* таковым²¹. Мы живем внутри умелъта своих инстинктов и обычно настолько же мало обращаем на них внимание, как рыба на воду вокруг себя.

Красота несомненно и безусловно создана для вечной любви

Почему людей влечет к молодым партнерам, а не к пожилым? Действительно ли лучше быть блондинкой? Почему человек, которого мы видели мельком, выглядит более привлекательным, чем тот, кого хорошо разглядели? Думаю, сейчас вас не удивит, если я скажу, что наше чувство красоты глубоко (и без доступа) впечатано в мозг — и все это для того, чтобы достичь чего-то полезного с биологической точки зрения.

Давайте вернемся к размышлениям о самом красивом человеке, которого вы знаете. Хорошо сложен, всем нравится, притягивает взгляды. Наш мозг заточен на то, чтобы обращать внимание на тех, кто так выглядит. Благодаря мелким

деталюм во внешности такому человеку достаются повышенная популярность и более успешная карьера.

И опять вы не удивитесь, если я скажу, что мы считаем привлекательным не что-то неосязаемое и воспетое поэтами. Нет, чувство прекрасного рождается из определенных сигналов, которые подходят к специальному нейронному программному обеспечению, словно ключ к замку.

То, что люди выбирают в качестве параметров красоты, это в основном признаки способности к продолжению рода, проявляющиеся вследствие гормональных изменений. До пубертатного периода у мальчиков и девочек сходные лица и формы тел. У девочек, достигших полового созревания, увеличивается выработка эстрогена, вследствие чего губы становятся более пухлыми, а фигура обретает округлые формы; у мальчиков возрастает выработка тестостерона, и как результат подбородок сильнее выступает вперед, увеличивается нос, челюсть становится более массивной, а плечи — широкими. Пухлые губы, полные ягодицы и узкая талия у женщины передают недвусмысленное послание: *я полна эстрогена и способна к деторождению*. У мужчин это же делают массивная челюсть, щекина и широкая грудная клетка. Именно так мы запрограммированы искать красоту. Форма отражает функцию.

Наши программы настолько укоренились, что слабо различаются от человека к человеку. Исследователи выделяют очень узкий диапазон женских пропорций, которые мужчины считают наиболее притягательными: оптимальное соотношение объема талии и бедер обычно находится между 0,67 и 0,8²². Мужчины считают женщин с такими параметрами не только более привлекательными, но и предположительно более здоровыми, веселыми и умными²³. Чем старше становится женщина, тем сильнее ее формы отклоняются от этих пропорций. Талия расплзается, губы становятся тоньше, грудь обвисает и так далее, — все это передает сигнал, что женщина уже прошла пик фертильности. Даже

подростка без биологического образования женщина в возрасте привлекает меньше, чем молодая девушка. У его нейронных цепей есть четкая миссия (воспроизводство); его сознание получает только необходимый заголовок («Она привлекательная, гонись за ней!»), и ничего больше.

Скрытые нейронные программы выявляют больше, чем способность к деторождению. Не все фертильные женщины одинаково здоровы и поэтому не все выглядят одинаково привлекательными. Физиолог Вилейанур Рамачандран предполагает, что шуточка про мужчин, предпочитающих блондинок, может содержать зерно истины: белолицые женщины более явно демонстрируют признаки заболеваний, в то время как темный цвет лица способен замаскировать проблемы. Больше информации о здоровье — лучший выбор, отсюда и имеют место такие предпочтения²⁴.

На мужчин визуальные стимулы действуют сильнее, чем на женщин. Тем не менее женщины подчиняются тем же внутренним силам: их влекут притягательные черты, которые характеризуют зрелую мужественность. Интересно, что женские предпочтения могут меняться в течение месяца: во время овуляции они предпочитают маскулинных мужчин, а в остальное время — представителей сильного пола с более мягкими чертами внешности, что, вероятно, сигнализирует о более социальном и заботливом поведении²⁵.

Программы соблазнения в основном управляются аппаратом осознанности, но итог очевиден любому. Именно поэтому люди раскошеляются на подтяжку лица, улучшение формы живота, импланты, липосакцию и ботокс. Они стремятся удержать в своих руках ключи к программам, заложенным в мозге других людей.

Неудивительно, что у нас практически нет прямого доступа к механике наших влечений. Визуальная информация подключается к древним нейронным модулям, которые и управляют нашим поведением. Вспомните эксперимент из главы 1,

когда мужчины ранжировали женские лица по красоте: они считали более привлекательными женщин с расширенными зрачками, поскольку те сигнализируют о сексуальном интересе. Ни один из этих мужчин не имел сознательного доступа к своему процессу принятия решения.

В одном из исследований в моей лаборатории испытуемым на мгновение показывали снимки мужчин и женщин, после чего те оценивали их привлекательность²⁶. На втором этапе участников просили оценить те же фотографии, но на этот раз они могли их хорошенько разглядеть. Каков результат? Люди, увиденные вскользь, красивее. Иными словами, если вы заметите кого-то мельком, сворачивая за угол или проезжая мимо, ваша перцептивная система скажет, что эти люди красивее, чем если бы вы оценивали их в спокойной обстановке. Для мужчин этот эффект более выражен, чем для женщин, вероятно, потому, что мужчины более «визуальны» в оценке привлекательности. «Эффект мимолетности» соответствует повседневному опыту, когда мужчина бросает беглый взгляд на женщину и считает, что только что увидел редкую красоту, а как присмотрится, то обнаруживает свою ошибку. Этот эффект ясен — в отличие от его причин. Почему же зрительная система, получив кратковременную информацию, всегда ошибается в одну сторону — считает, что женщина красивее? Почему бы ей при отсутствии четких данных не полагать, что женщина должна быть средней или даже ниже среднего?

Ответ связан с требованиями воспроизводства. Если вы решите, что мелькнувшая непривлекательная персона красива, для исправления ошибки требуется всего лишь второй взгляд, — невелики затраты. С другой стороны, если вы ошибетесь и сочтете привлекательного партнера непривлекательным, вы можете сказать «Сайонара!»* потенциально удачному генетическому будущему. Поэтому перцептив-

* Сайонара (яп.) — до свидания. *Прим. пер.*

ной системе приходится глотать сказочку, что мельком увиденный человек привлекателен. Как и с другими примерами, все, что известно сознательному мозгу, — вы ехали в трафике по другой полосе и только что миновали невероятную красотку; у вас нет доступа ни к нейронной машинерии мозга, ни к эволюционному давлению, которое сформировало такое представление²⁷.

Привлекательность — не фиксированное понятие, оно корректируется в соответствии с требованиями ситуации. Так, почти все самки млекопитающих посылают четкие сигналы, когда готовы к спариванию. Зад самок бабуинов становится ярко-розовым — безошибочное и неодолимое приглашение для самца-бабуина. С другой стороны, человеческие самки не передают никаких специальных сигналов, чтобы объявить о своей фертильности²⁸.

Или все же это не так? Оказывается, женщина считает-ся наиболее красивой как раз на пике фертильности — примерно за десять дней до начала менструального цикла²⁹. Это верно для мнений как мужчин, так и женщин. Внешний вид женщины передает сообщение об уровне ее фертильности. Такие сигналы слабее, чем зад бабуина, но их задача — всего лишь стимулировать специальный бессознательный аппарат у мужчин, находящихся в помещении. Если они достигли нужных цепей, миссия выполнена. Сигналы доходят и до цепей других женщин — возможно, потому, что так они могут оценивать соперниц в борьбе за мужчин. Пока неясно, каковы эти сигналы: это могут быть, например, качества кожи (например, во время овуляции тон становится светлее)³⁰. Но какими бы они ни были, наш мозг сконструирован, чтобы улавливать их — даже без участия сознательного разума. Разум лишь ощущает мощный и необъяснимый порыв желания.

Взаимосвязь овуляции и красоты оценивают не только в лабораториях — ее можно измерить и в жизненных ситуациях. В недавнем исследовании ученые из Нью-Мексико

подсчитывали чаевые, которые получали в местных стрип-клубах танцовщицы, и вычисляли корреляцию между размером вознаграждения и менструальным циклом стриптизерш³¹. Во время пика фертильности танцовщицы зарабатывали в среднем шестьдесят восемь долларов в час. Во время менструации — всего лишь около тридцати пяти долларов. Между этими периодами средний заработок составлял пятьдесят два доллара. Интересно, что стриптизерши, применяющие противозачаточные средства, не демонстрируют четкого пика заработка и на протяжении месяца в среднем получают тридцать семь долларов в час, — сравните со средней величиной пятьдесят три доллара в час для тех, кто не использовал противозачаточные. Видимо, они зарабатывают меньше, поскольку таблетки приводят к гормональным изменениям (а значит, и к изменениям сигналов), и поэтому такие танцовщицы менее интересны Казановам в мужских клубах.

Важно пояснить, что красота девушки (или мужчины) предопределена нейронной структурой. У нас нет осознанного доступа к этим программам, и мы можем вытащить их только после тщательных исследований. Обратите внимание, что мозг довольно хорошо обнаруживает сигналы. Вернитесь к образу самого красивого человека, которого вы знаете, и представьте, что вы измеряете расстояние между его или ее глазами, а также длину носа, толщину губ, форму подбородка и так далее. Если бы вы сравнили эти измерения с данными другого, не настолько привлекательного, человека, то обнаружили бы, что различия ничтожно малы. Для космического пришельца или немецкой овчарки эти два человека были бы неразличимыми, равно как и вам трудно различить привлекательного и непривлекательного инопланетянина или привлекательную и непривлекательную немецкую овчарку. Однако мелкие различия внутри вашего вида оказывают огромное влияние на ваш мозг. В качестве примера скажем, что некоторые люди считают возбуждающим

вид женщины в коротких шортах, но отталкивающим — вид мужчины в коротких шортах, хотя эти две картины едва ли различимы с точки зрения геометрической перспективы. Наша способность проводить тонкие различия поразительно отточена; наш мозг сконструирован, чтобы справляться с четкими задачами выбора и покорения партнера. Все это происходит ниже уровня осознанности: мы просто наслаждаемся бурлением восхитительных переживаний.

* * *

Не только зрительная система конструирует суждения о красоте; на них влияет также и запах. Запах несет массу информации, включая сведения о потенциальном возрасте партнера, поле, способности к зачатию, индивидуальности, эмоциях и здоровье. Эту информацию переносит армада движущихся молекул. У многих видов животных эти вещества полностью управляют поведением; у людей эти данные часто оказываются за рамками осознанного восприятия, но тем не менее влияют на поведение.

Представьте, что самка мыши получает возможность выбирать самцов для спаривания. Ее выбор, далекий от случайного, будет основан на взаимодействии между ее генетикой и генетикой ее кавалеров. Но откуда у самки доступ к скрытой информации такого рода? У всех млекопитающих есть набор генов, известный как главный комплекс гистосовместимости (ГКГС); эти гены играют ключевую роль в иммунной системе. Если мышам предоставить выбор, они выберут партнера с *несходными* генами ГКГС. Перемешивание генофонда в биологии почти всегда является хорошей идеей: оно минимизирует генетические дефекты и обеспечивает здоровое взаимодействие генов, известное как гетерозис*. Поэтому

* Гетерозис (гибридная мощность) — увеличение жизнеспособности гибридов по сравнению с родительскими формами. *Прим. пер.*

находить генетически далеких партнеров полезно. Но как это удастся мышам, у которых не слишком острое зрение? С помощью носа. Их нос собирает феромоны — летучие химические вещества, передающие сигналы по воздуху: сигналы о тревогах, пище, готовности к спариванию и, в нашем случае, генетическом сходстве и различии.

Ощущают ли люди феромоны и реагируют ли на них так, как это делают мыши? Никто не знает точно, однако в ходе недавнего исследования ученые обнаружили в оболочке человеческого носа рецепторы, похожие на те, что используются для феромонной сигнализации у мышей³². Неясно, функционируют ли они, но факт наводит на размышления³³. В исследовании, проведенном в Бернском университете, ученые количественно определяли ГКГС для группы студентов и студенток³⁴. Мужчинам давали носить хлопчатобумажные футболки, чтобы дневной пот проник в ткань. Затем, уже в лаборатории, женщины нюхали подмышки этих футболок и определяли, какой запах они предпочитают. Результат? В точности так, как и у мышей, они выбирали мужчин с наиболее несходными ГКГС. Очевидно, наши носы влияют на наш выбор, вновь опуская миссию по воспроизводству ниже уровня сознания.

Кроме воспроизводства, человеческие феромоны могут нести незримые сигналы и в других ситуациях. Например, новорожденные предпочитают двигаться к подушкам, на которых остался запах их матери, а не к чистым подушкам; по всей видимости, основой этого поведения являются феромонные сигналы³⁵. Выяснилось также, что продолжительность менструального цикла у женщины может меняться после того, как она понюхает пот другой женщины³⁶.

Феромоны совершенно определенно служат сигнальными веществами, но степень их влияния на человеческое поведение до конца неизвестна. Наше познание настолько многогранно, что им отведены эпизодические роли. Как бы

то ни было, феромоны служат еще одним напоминанием, что мозг постоянно эволюционирует: эти молекулы — свидетельство устаревших программ.

Неверность в генах?

Взгляните на свою привязанность к матери и ее привязанность к вам, особенно когда вы нуждались в ней, будучи беспомощным ребенком. Связь такого рода легко счесть естественным событием. Однако достаточно всего лишь поскрести по верхам, чтобы обнаружить, что такая социальная привязанность опирается на сложную систему химических сигналов. Это происходит не по умолчанию, а намеренно. Например, когда у мышат посредством генетического изменения убирали определенный тип рецептора в опиоидной системе (которая участвует в подавлении боли и в вознаграждении), их переставало волновать отделение от матерей³⁷. Они меньше пищали. Это не означает, что они больше ни о чем не беспокоились, — фактически они сильнее, чем обычные мыши, реагировали на угрожающее поведение самца или холод. Просто они не были привязаны к своим матерям. Когда им предлагали сделать выбор между запахом матери и запахом неизвестной мыши, они выбирали наугад. Другими словами, чтобы детеныши хорошо относились к своим матерям, у них должна запускаться правильная генетическая программа. Проблема такого рода может лежать в основе расстройств, включающих трудности с привязанностью, например аутизма.

К вопросу о родительской привязанности близок и вопрос о верности одному партнеру. Здравый смысл говорит нам, что моногамия — это решение, основанное на моральных принципах, не так ли? Но что представляют собой эти принципы? Может, ими тоже управляют механизмы, находящиеся ниже уровня сознания?

Давайте рассмотрим желтобрюхую полевку. Эти маленькие существа выкапывают неглубокие подземные ходы и круглый год остаются активными. Но в отличие от других полевок и млекопитающих в целом они остаются моногамными, образуя пожизненные связи. Пары вместе строят гнездо, ухаживают друг за другом и совместно воспитывают детей. Почему они демонстрируют поведение, соответствующее брачной связи, в то время как их близкие родственники более беспутны? Ответ определяется гормонами.

Когда самец полевки многократно спаривается с самкой, в его мозге выделяется гормон под названием вазопрессин. Вазопрессин связывается с рецепторами части мозга, известной как прилежащее ядро, и эта связь способствует получению приятного ощущения, которое начинает ассоциироваться с конкретной самкой. Если заблокировать этот гормон, то пара не образуется. Удивительно, но исследователи даже смогли сдвинуть полигамный вид в сторону моногамного поведения, увеличив выработку вазопрессина с помощью генетических методов³⁸.

Имеет ли вазопрессин значение для человеческих взаимоотношений? В 2008 году группа исследователей из Каролинского института в Швеции изучала ген для рецептора вазопрессина у 552 мужчин, состоящих в долговременных отношениях³⁹. Ученые обнаружили, что число копий гена RS3 334 может быть разным: две копии, одна или ни одной. Чем больше копий, тем слабее влияние, которое вазопрессин оказывает на мозг. Эти результаты удивляют своей простотой. Количество копий коррелирует с поведением мужчин. Чем больше у мужчин было копий RS3 334, тем хуже они образовывали пары; при этом учитывалась прочность отношений, выявленные проблемы и качество брака с точки зрения их жен. При двух копиях мужчины чаще всего оставались холостяками, а если и состояли в браке, то с большей вероятностью испытывали супружеские проблемы.

Это не означает, что выбор и окружающая среда не имеют значения. Имеют. Но это говорит о том, что мы приходим в мир с различными предрасположенностями. Некоторые мужчины генетически склонны иметь единственного партнера, а некоторые — нет. В ближайшем будущем молодые женщины, знакомые с современной научной литературой, могут потребовать от своих бойфрендов провести генетические тесты, чтобы оценить, с какой вероятностью они станут верными мужьями.

Недавно специалисты по эволюционной психологии обратили внимание на любовь и разводы. Не потребовалось много времени, чтобы заметить, что когда люди влюбляются, то в течение трех лет их пыл и страсть находятся на пике. Внутренние сигналы являются буквально любовным наркотиком. Затем чувства начинают остывать. С этой точки зрения мы запрограммированы терять интерес к сексуальному партнеру после окончания срока, требующегося для воспитания ребенка, который в среднем составляет около четырех лет⁴⁰. Психолог Хелен Фишер предполагает, что мы в этом похожи на лис, которые образуют пары на сезон размножения, остаются вместе, пока потомство не подрастет, а затем расходятся. Изучая разводы в почти шестидесяти странах, Фишер обнаружила, что пик расставаний приходится на момент примерно через четыре года после заключения брака, что согласуется с ее гипотезой⁴¹. С ее точки зрения, вырабатываемый внутри любовный наркотик — всего-навсего эффективный механизм, добивающийся, чтобы мужчины и женщины оставались вместе достаточно долго для увеличения вероятности выживания своих детей. Ведь с этой точки зрения два родителя лучше, чем один, и поэтому средство для увеличения надежности — добиться, чтобы они оставались вместе.

Точно так же большие глаза и круглые личики младенцев выглядят для нас милыми не потому, что обладают

природным очарованием, а из-за эволюционной важности заботы взрослых о детях. Те генетические линии, которые не считали своих детей милыми, уже не существуют, поскольку об этих детях не заботились должным образом. А вот продолжающие жить люди (вроде нас), чей психический умвельт не может позволить *не* считать младенцев милыми, успешно воспитывают детей для формирования будущего поколения.

* * *

В этой главе мы убедились, что наши самые глубокие инстинкты и мысли вшиты в аппарат на очень низком уровне. Можно воскликнуть: «Отличная новость! Мой мозг делает все, чтобы выжить, а мне даже не нужно думать об этом!». Верно, новость отличная. Неожданная ее часть: что сознательное «я» — всего лишь актер в эпизоде. Это что-то вроде того, когда юный монарх наследует трон и присваивает себе престиж страны, даже не подозревая о миллионах рабочих, которые продолжают трудиться на ее благо.

Требуется определенная храбрость, чтобы начать учитывать ограничения в ментальном ландшафте. Вернемся к фильму «Шоу Трумана». В одном из эпизодов анонимная женщина говорит продюсеру по телефону, что бедный Труман, по воле ТВ оказавшийся перед миллионной аудиторией, — скорее заключенный, нежели актер. Продюсер спокойно отвечает:

А можете вы утверждать, что вы не актриса на жизненной сцене, играющая свою роль? Труман может уйти в любое время. Если бы у него были четкие устремления, если бы он был полон решимости узнать истину, мы никак не смогли бы ему помешать. Мне кажется, что на самом деле вас расстраивает то, что в конечном счете Труман предпочитает комфорт «заключения», как вы это называете.

Как только мы начинаем исследовать сцену, на которой находимся, то обнаруживаем, что за пределами нашего ум-вельта находится весьма много вещей. Эти изыскания мед-ленные и постепенные, но они вселяют глубокий трепет пе-ред размерами обширной постановочной студии.

Теперь мы готовы погрузиться в мозг еще на уровень глубже, открыв слой секретов о том, к кому мы беспечно относились как к своему «я», словно «я» является единым целым.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

[Mifbooks](#)

[Mifbooks](#)

[Mifbooks](#)